

НОВГОРОДСКАЯ ПРАВДА

ОБЕЛИСК В ЛЕСУ

История одного поиска

...«Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед...»

Эти стихи мы помним со школьной скамьи. Они принадлежали перу Эдуарда Багрицкого — известного советского поэта.

Но немногие знали о сыне его, Всеволоде, и никогда не думалось, что придется соприкоснуться с его следами на нашей новгородской земле.

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны в печати, наряду с известными поэтами и писателями, побывавшими на Волховском фронте, упоминалось и имя Всеволода Багрицкого, сотрудника армейской газеты «Отвага», погибшего недалеко от Новгорода в феврале 1942 года.

В 1947 году ко мне приехал Юрий Фролов. До войны мы с ним учились в одной школе. Станция Мясной Бор, где я в это время жил, была хорошо ему известна. Здесь в 1941 году начиналась его партизанская жизнь.

Сидя у охотничьего костра, он вспоминал время, проведенное в этих местах в годы войны. Отряд их командование армии использовало для разведки в тылу противника. База отряда располагалась на опушке леса, недалеко от деревни Новая Кересть. Там же на колхозном поле находился аэродром Второй Ударной ар-

В. Э. БАГРИЦКИЙ.

мии, на который они ходили за продуктами.

Однажды в начале марта, проходя по лесной тропе, проложенной к аэродрому на опушке леса, они увидели могилу, уже присыпанную снегом. Из надписи, приколотой к дереву, узнали, что там похоронен Всеволод Багрицкий — поэт Волховского фронта.

Через год мне в руки попала небольшая книжка воспоминаний военного журналиста о боях на Волховском фронте.

В одном из рассказов шла

речь о сыне известного советского поэта Эдуарда Багрицкого — Всеволоде, погибшем 26 февраля 1942 года и похороненном на развилке дорог недалеко от деревни Дубовик Любанского района Ленинградской области. У меня закралось сомнение: может быть, Юрий Фролов забыл? Прошло уже пять лет, а расстояние в какие-то 50 километров в то время не представлялось таким уж большим. Да и по имеющимся сведениям я знал, что весной редакция и штаб армии находились вблизи деревни Огорелье. Это недалеко от деревни Дубовик. А найти могилу очень хотелось. Где искать?

И вот весной 1950 года я отправился в путь. Расстояние до Новой Керести было небольшим — около 20 километров. До лесной речушки Глушица я шел по бывшей фронтовой дороге, которая в годы войны называлась «Северной». Она связывала войска 2-й Ударной с основными силами фронта.

За Глушицей кончались минные поля, и я решил пройти к проложенной в войну узкоколейке, надеясь наткнуться на блиндажи, в которых жили партизаны, и от них начать поиск.

Вот и знаменитая узкоколейка. Воины Второй Ударной армии называли ее «Дорогой жизни». Через некоторое время я вышел на опушку вблизи

креченских хуторов, а потом на поля деревни Кречно.

Напротив, за речкой, до войны была деревня Новая Кересть, или, как ее звали старожилы, — Завод. По рассказам Юрия Фролова я знал, что Кречно и Новая Кересть были еще зимой 1942 года уничтожены немецкой авиацией. Теперь эта местность начинала зарастать кустарником.

Пройдя несколько хуторов, а они угадывались по четырехугольникам каменных фундаментов и по деревьям, росшим около них, вышел на заросшую дорогу, обсаженную березами.

Солнце уже припекало, и порядочно устав, я сел отдохнуть. Напротив березы, метрах в ста рос толстый развесистый дуб. Хотя расстояние было порядочным, но на освещенной солнцем стороне я ясно увидел какие-то буквы. Быстро поднявшись, почти бегом, я устремился туда. На толстом стволе была вырезана прямоугольная ниша, красиво окантованная по краям резьбой. Наверху в круге изображена звезда, под которой находилось небольшое квадратное углубление с лопнувшим стеклом. Под ним виднелся посеревший кусочек карточки. Это все, что оста-

лось от фотографии. Ниже шли четкие буквы, которые составили слова: «Артиллерист-зенитчик погиб в боях с германским фашизмом за социалистическую Родину ст. сержант Шумаков К. Л. 1917—31 мая 42 г.».

В душе поднималась теплая волна благодарности друзьям артиллериста, сделавшим эту надпись.

В 1959 году новгородский журналист В. Иванов показал мне письмо, полученное от ветерана Второй Ударной, в котором упоминалась могила Всеволода Багрицкого и был нарисован план района новой Керести с приблизительным местом захоронения.

Спустя некоторое время, московский писатель, бывший корреспондент «Красной Звезды» на Волховском фронте М. З. Цунц, опубликовал в «Литературной газете» очерк о моей краеведческой работе и упомянул о поиске могилы В. Багрицкого.

Через несколько дней после выхода газеты я получил письмо из Москвы от Лидии Густавовны Багрицкой. Она писала: «Я очень больной и старый человек. Мне осталось жить совсем немного и очень хотелось, чтобы останки моего сына лежали рядом с останками его отца. Прошу поискать могилу. В 1942 году, сообщала она далее, находясь в Казахстане, в марте я получила извещение о гибели моего сына и письмо от сотрудника редакции газеты «Отвага» А. Обыденной. Вот строки из этого письма.

Н. ОРЛОВ,
краевед.

(Продолжение следует).

ОБЕЛИСК В ЛЕСУ

История одного поиска

Это произошло в середине января 1942 года на берегах Волхова. Наши войска только что освободили несколько населенных пунктов на западном берегу древней реки. И вот здесь впервые Всеволод столкнулся со зверствами фашистов. В деревне Быстрица они почти полностью уничтожили население. По горячим следам этого преступления им была написана поэма «Трагедия Быстрицы» и опубликована в газете «Отвага». К сожалению, до сих пор найти этот номер не удалось.

Узнав у Багрицкой номер телефона Н. Родионова, я позвонил ему и договорился о встрече. Но встретиться нам тогда не удалось. Разговор с Е. Вучетичем тоже ничего не дал. Он совершенно забыл, то ли вырезал надпись, то ли просто написал карандашом.

В 1968 году, уже работая на Новгородском химкомбинате, теперь производственное объединение «Азот», вместе с молодыми рабочими ходил по местам боев. Апрельскими днями того года в одном из

походов родился наш клуб, который мы называли «Соколом».

...Осмотрены все сосны, а надписи нет. Но мы не унываем, верим, что придет время, и мы найдем это место.

И как бы в поддержку нашей веры снова письмо. Его прислал житель г. Николаева Ф. Андриенко. Он писал, что после окончания пехотного училища был направлен на фронт. В январе их бригада в составе 2-й Ударной армии принимала участие в боях по прорыву блокады Ленинграда. В начале февраля бригада вела бои в районе деревни Вдеецко. Однажды вечером, писал Федор Семенович далее, к нам приехал корреспондент армейской газеты «Отвага» Всеволод Багрицкий. Ему в ту пору было 19 лет. Был он застенчив и очень обаятелен. Мы с ним быстро подружились и в ту ночь вспоминали про Одессу, в которую он, как и я, был влюблен. Мы мечтали тогда, что после войны встретимся в этом городе.

12 апреля, продолжал Андриенко, я, тяжело раненный, пробирался из медсанбата на «Большую землю». Вывозки раненых не было из-за весен-

ней распутицы. Остановился в деревне Новая Кересть. Отсюда надо было пройти коридор до Мясного Бора, а там Волхов и «Большая земля». Но просеки на Мясной Бор беспрерывно бомбились и обстреливались, и я решил переждать в лесу до вечера, а ночью пробираться дальше.

Выйдя на юго-восточную окраину деревни Новая Кересть, я обнаружил на опушке леса одинокую солдатскую могилу. На дереве была прибитая дощечка с надписью: «Поэт-воин Всеволод Багрицкий».

Это письмо нас очень заинтересовало, и мы послали приглашение Ф. Андриенко приехать к нам и помочь в поиске могилы. Встретились мы летом 1971 года и отправились на поиски. Мы надеялись, что как только приедем, сразу найдем, если не могилу, то место захоронения.

Но радоваться было рано. За 29 лет, которые прошли с тех пор, все здесь так изменилось, что Андриенко с трудом узнавал местность, да и я помог ему не лучшим образом: повел его не той дорогой. Дело в том, что зимой к реке Кересть тогда их было

проложено три. По двум из них ездили лишь до весенней распутицы, а по третьей — все время. Как только потом выяснилось, именно по этой средней дороге, усталой бревенчатый настилом, мог выходить из окружения раненый Андриенко в апреле 1942 года. Но к такому мнению пришел я значительно позже. Именно тогда я понял, что могила Всеволода Багрицкого должна находиться рядом с этой «твердой» дорогой, что она давно уже не является неизвестной, что обнаружил я ее еще в походе с ребятами из клуба «Алый парус» более десятка лет назад.

Чтобы еще раз проверить правильность этих выводов, обратился к карте и схеме и снова убедился в том, что могила В. Багрицкого находится на том месте, где в феврале 1942 года была редакция. Не было только сосен. Но тут я вспомнил нарисованную карандашом схему, которую сделал для Лидии Густавовны бывший сотрудник редакции Геллер. На ней он изобразил редакцию, дорогу и тропу, по которой они ходили в баню. Я понял, наконец, почему им в память врезались эти сосны. Метрах в трехстах по направлению к хутору, где часто бывали газетчики, действительно росли сосны. И, конечно, тогда они казались рядом. А рядом с могилой росла кривая береза. И как бы в подтверждение моих выводов, письмо от бывшего наборщика Никитина, проживающего сейчас в

Эстонии. Он писал мне: «Не верьте про сосну. Я сам, лично, принимал участие в похоронах Всеволода и хорошо помню, что рядом росла береза, на которую прибили доску с надписью, сделанную нашим художником Е. Вучетичем. Надпись была такая: «Поэт-воин Волховского фронта В. Э. Багрицкий». Дата рождения и гибели и ниже какие-то стихи».

В марте 1975 года пришло еще одно сообщение от сотрудника дивизионной газеты М. Пирожникова, ныне проживающего в Бобруйске. Вот строки из его письма: «Свидетелем похорон я оказался случайно. В тот день ехал в тыл за газетной бумагой, вижу солдаты кого-то хоронят, зарывают могилу. Я остановил машину, подошел к ним и увидел надгробную дощечку, на которой значилась фамилия, имя и отчество Багрицкого, день его рождения и кончины. Помню, все это было написано на фанере, а не на сосне...».

В канун славного 30-летия Великой Победы туристами, учащимися техникума электронной промышленности была изготовлена металлическая доска, где повторилась надпись, сделанная Е. Вучетичем. Во время одного из походов к месту захоронения ее и звезду прикрепили на сооруженный обелиск, который теперь далеко виден среди молодого леса.

Н. ОРЛОВ,
краевед.

Новгород.

Поэт Павел Шубин у могилы Всеволода Багрицкого. Деревня Новая Кересть, Волховский фронт. 1942 г.

Фото из сборника «День поэзии. 1977».

Репродукция С. Бендера.

(Окончание.
Начало в № 158—159).

ГЛУХАЯ КЕРЕСТЬ

Неподалеку от деревни Глухая Кереть 26 февраля 1942 года пал смертью храбрых поэт-воин Всеволод Багрицкий. Ему и посвящаются эти стихи.

Глухая Кереть.
Спят на тучах громы.
Ни шороха, ни выстрела
вдали.

Упал вдруг желудь,
Как осколок бомбы,
Телегой проскрипели
журавли.

И снова тихо.
В желтом сне березы
Ногами белыми осоку мнут,
И кажется, что лес
в тревожных грезах.
Часы истории как будто
не идут...

* * *

Вторые сутки колесим
болотом,
Завалами, кустами ивняка.
Мы ищем дуб.
На дубе кто-то
Две буквы высек острием
штыка.
Напрасны наши поиски,
хождение —
Редки дубы у Керести-реки.
Исследовали каждый!
С сожаленьем
Мы вскидываем снова
рюкзаки...

Есть версия другая:
Под сосною
Хранит его родимая земля,
И будто бы Вучетича рукою
Те вырезаны были вензеля.
Идем, бредем...
На много километров
Ни одного дымка от очага.
Тут армия ударная тем
летом
Сражалась в окружении
врага.

И вот сосна!
Стоит, как страж суровый,
Разлаписта, кряжиста
и мрачна.
Она для нас свидетель
стогодовый,
Вся в трещинах, огнем
обожжена.
На южной стороне — затес
неровный
Покрит натеками густой
смолы.

Под ней — слова!
Понять их невозможно.
Ножом срезаем верхние
слои,
Сквозь пленку золотистую
живицы
Читаем, как в листке
календаря:
«Поэт и воин Всеволод
Багрицкий
Убит двадцать шестого
февраля»...
И холмик небольшой
Бугрится рядом.
Над ним калины хрупкие
кусты,
Унизанные бусинками
ягод, —
Как память неугасшей
красоты.

* * *

Земля моя!
Она хранит героев.
Земля хранит твоих шагов
следы,
Мечи и стрелы легендарной
Трои
И семена отцветшей резеды,
Мы скоро обводним долины
Марса,
Нас молнии Венеры
обожгут,
Но те следы, оставленные
в маршах,
Ни смерчи,
Ни обвалы не сотрут!
Следы бойцов
на партизанских тропах,
В лесах Карелии,
В Мясном Бору...
На автострадах
Западной Европы
Следы освободителей
живут!

Хранят их след
Гранит мемориала,
Что в Трептов-парке,
Шипка и Белград
И обелиск на снежном
перевале,
Где спит в земле
неназванный солдат.

* * *

Глухая Кереть.
В желтом сне березы
Ногами белыми осоку мнут,
И кажется, что лес
в тревожных грезах.
А как часы истории!
Идут!
Они идут. Идут.
Летят мгновенья,
Как вспышки молний,
Как в горах ручьи.
Мой современник!
Встанем на колени
И горькую минуту
помолчим.
И. ЗАЙЦЕВ.

Новгород.